

Поскольку большая часть окружающей стаи была выведена из строя, а остальные отрезаны пространственной аномалией, Альфа нашел оставшуюся часть боя довольно расслабляющей. Он перепечатал Трёхрог, сохранив при этом меньшую башню гарпии сзади, чтобы оглушать любого из выздоровевших пингвинов и беспокоить гигантского. Он был менее эффективен, чем полноразмерные версии, но этого было достаточно, чтобы знать, что всё работает.

Поскольку Альфе больше не мешали и его не придавливали меньшие пингины, а гигантский пингвин, ошеломленный [УЗВ-Гарпией], битва превратилась из затяжного тупика в одностороннее избиение. Гладкая металлическая поверхность гигантского пингвина стала рваной и окровавленной под постоянным шквалом случайных ударов бункера. Он несколько раз пытался отойти или защититься, но всякий раз, когда он восстанавливался, Альфа ударял его направленным ультразвуковым излучением.

Похоже, существа в этой области были очень восприимчивы к такой тактике. Альфа сомневался, что везде будет так легко, но он определенно будет шутить, пока может. Ещё один удар из меньших бункеров отбросил защиту гигантского пингвина, и Альфа увидел брешь, которую он ждал. TAWP встал на место прямо перед целью одним плавным движением.

Трёхрог с ревом ожил. Затем, со звуковым ударом, он рванулся вперед. Бункер первичной сваи ударил гигантского пингвина в грудь. Звук грома, произведенный ударом, был достаточно громким, чтобы соперничать с гарпией, и гигантский пингвин прижался к массивному металлическому шипу. Он завис там на долю секунды. Его глаза вылезли из орбит, а из клюва брызнула струйка крови, окрасив переднюю часть Трёхрога в красный цвет.

Затем он исчез, сила удара заставила его кувыркаться по полю боя. Гигантский пингвин мчался по полю боя, кувыркаясь несколько раз в секунду, приближаясь к окружавшему их изменчивому пузырю. Однако, к разочарованию Альфы, на пути существа появилось несколько больших каменных столбов. Как он вообще остался жив после такого удара, не говоря уже о том, что достаточно сознателен, чтобы остановить его движение, Альфа не знал.

Он пробил дюжину каменных столбов толщиной с гигантского пингвина и остановился всего в нескольких футах от края аномалии. Альфа раздраженно цокнул.

Хотя вскоре это превратилось в мысленную ухмылку. Последний бросок гигантского пингвина не позволил ему полностью войти в аномалию, но его правый плавник провалился через границу. Гигантский пингвин с криком отпрянул, схватившись за правый плавник. Почти три четверти плавника были покрыты тем же перламутровым блеском. Лапа скрутилась и деформировалась так же, как и другие пингины, поскольку окружающее пространство было более жидким, чем должно быть.

Существо даже пыталось убрать блеск, стерев его об остатки каменной колонны, но безрезультатно. Оно прилипло к лапу, как застывшее масло на сковороде. Блеск не казался передаваемым таким образом. Это было приятно знать.

Форма Альфы сейчас как нельзя лучше подходила для того, чтобы покончить с этим, поэтому он подошел к упавшему пингвину, несколько точных выстрелов турели в открытые раны остановили его попытку поползти. Он перевернулся на спину и уставился на Альфу, выражение его глаз не нуждалось в переводе. Гнев и ненависть были всеобщими. Он прикрыл зияющую кровоточащую рану посередине груди уцелевшим ластом. Тонкая пластина из грубого красно-коричневого железа материализовалась из воздуха и накрыла рану, не давая существу истечь кровью. Вот это было интересно.

Альфа все ещё не привык к волшебной чепухе, на которой, казалось, работало это место. Как оно это сделало? Была ли почва в этом районе особенно богата железом? Или он мог вытащить железо прямо из собственной крови. Конечно, это был всего лишь тонкий «бинт», но сколько нужно было для начала, чтобы создать что-то подобное? Неважно, у Альфы будет достаточно времени, чтобы узнать больше, как только оно умрёт.

Когда Альфа приблизился, существо заговорило. Конечно, Альфа ничего из этого не понял. Ему всё ещё нужно было закончить лексикон, который он начал составлять с курицей, и этот язык казался другим по сравнению с прошлым. Это подтвердило, что гигантский пингвин был, по крайней мере, разумным. Учитывая очевидный интеллект, который он показал, Альфа подозревал, что это может быть так.

Впрочем, это не имело большого значения; враг был врагом, разумным или нет, просто ещё одной целью.

Альфа проигнорировал слова существа и направил Трёхрог, чтобы нанести последний удар.

Однако, прежде чем он успел нажать на курок, существо усмехнулось, когда его взгляд метнулся в сторону, и закричало. Альфа проследил за его взглядом как раз вовремя, чтобы увидеть, как маленький пингвин, с которым сражался Снежок, вырвался из земли рядом с человеком в центре аномалии.

Люди тоже заметили, но слишком медленно реагировали. Или так казалось; в этот момент сама трава потянулась и обвилась вокруг прыгающего пингвина, сбивая его с курса.

Этого было недостаточно, чтобы остановить атаку, вместо этого режущий плавник, намереваясь обезглавить, пронзил грудь молодого человека. Человек отлетел назад от пылающего центра, из его правой ключицы до левого бедра брызнула кровь. Молодой человек несколько раз перекатился, остановившись на спине. Его спутник бросился к нему на хромой ноге.

Словно отрезанный от его силы, светящийся центр аномалии начал мерцать и гаснуть. Затем, от одного момента к другому, пузырь «лопнул». В голове Альфы зазвенели тревожные звоночки, когда он снова обратил внимание на гигантского пингвина.

Только для того, чтобы обнаружить, что он уже проваливается сквозь землю, все ещё ухмыляясь ему. Альфа нажал на курок, и все три бункера ожили, ударив полузатонувшего

пингвина. Они врезались в землю с сотрясающим грохотом, образовав воронку шириной почти с TAWP.

Но было слишком поздно. Кроме нескольких капель крови, пингвина нигде не было видно. Альфа закричал в пустоту, отдернул Трёхрог и снова ударил о землю, углубляя кратер.

«Ты издеваешься?!»

Он позволил себе стать самоуверенным, отвлёкся и отвёл взгляд от врага. Он знал, что эти существа могут путешествовать по земле. Это была ошибка новичка, и Альфа это знал. Что, черт возьми, с ним происходит?

Альфа отвлекся от своей ошибки и снова сосредоточился на настоящем. Большой пингвин, возможно, убежал, но они не были вне опасности. Когда пузырь опустился, выяснилось, что остальная часть стаи собралась вокруг них в большом количестве. Если почти 200 искривленных, скрученных тел, окружавших их по кругу, были хоть каким-то признаком, то они бросались на аномалию, пытаясь пробиться сквозь нее.

Когда гигантский пингвин сбежал, большая часть стаи также развернулась и убежала, хотя несколько отставших попытались счастья с ранеными людьми. Быстрый огонь из турелей решил эту проблему, и Альфа направился к небольшой группе.

=====

Ганбаатар не был уверен, был ли он в шоке от потери крови и истощения или события дня ошеломили его. Сначала была засада, а потом бегство. После этого они поняли, что не могут привести Повелителя Зверей обратно в деревню, и он смирился с тем, что если ему суждено умереть, то он умрет, сражаясь, а не как трус, повернувшись спиной к врагу.

Это был хороший выбор, из-за которого он мог высоко держать голову в загробной жизни. Тем не менее, когда Младший бросился на него, чтобы нанести последний удар, Ган почувствовал некоторое сожаление.

Он никогда не говорил Золзае, как он себя чувствует и что освоил работу ног Слатоходца, как всегда хвастался, что когда-нибудь так и сделает. Он не сказал своим родителям или своей надоедливой младшей сестре, как сильно любит их, прежде чем они уехали в тот день.

Однако больше всего на свете он сожалел о своей слабости и неспособности что-либо сделать против таких подавляющих сил, как Повелитель зверей.

Он даже не смог победить поддельного пингвина! Если бы он мог просто продержаться немного дольше и сражаться немного упорнее, Юту мог бы закончить свой массив, и у их друзей был бы мизерный шанс на побег.

Но полная зубов пасть, несущаяся к нему, положила конец этой надежде. Или должна была.

Вместо этого Ган был вырван из пасти смерти неожиданным чудом, маленьким щенком Ах'лута, появившимся из ниоткуда. Тот, за которым последовал какой-то массивный металлический жук, напавший на Повелителя зверей.

Умирающая надежда внезапно возродилась, и Ган почувствовал, как по его щеке катятся горячие слезы. Последовавшую битву он запомнил на всю оставшуюся жизнь, какой бы долгой она ни была.

Титаны на заднем плане были настолько далеки от всего, что он когда-либо видел, что Ган, когда-то гордившийся своей силой, чувствовал себя крошечным по сравнению с ним, как муравей, наблюдающий за дуэлью мастеров меча. Даже небольшая битва перед ним заставила Гана покраснеть. Неподготовленному глазу битва между чемпионом пингвинов и маленьким Ах'лутом показалась бы безумной схваткой двух диких животных, но Ган мог видеть больше.

Оба бойца выжили, закаленные бесчисленными битвами и борьбой за выживание в этом суровом мире. Каждый укус, каждый удар были рассчитаны и целенаправленны. Каждый нанесенный удар был нанесен с уверенностью, что они смогут ответить ещё двумя. Ган наблюдал со стороны, зная, что не подходит ни для одной из битв, и чувствовал стыд.

В этот момент Ган пообещал себе, что если они выберутся из этого, если он выживет, то в следующий раз ему не придется стоять в стороне и смотреть, как другие сражаются за него.

Обе битвы быстро зашли в тупик, и ни одна из сторон не показывала никаких признаков скорого окончания. Ган, возможно, был калекой, но, поскольку большая часть внимания стаи была сосредоточена на титанах, он все ещё мог защитить себя и Юту от нескольких странных пингвинов, которые попытались счастья. Это тоже было хорошо, поскольку именно Юту склонил чашу весов битвы в их пользу.

Активированный массив не был похож ни на один из тех, что Ган когда-либо видел. Он тоже был охотником из деревни Слатоходцев; он видел установки, которые использовали другие охотники, хотя лучше всего работал с физическими ловушками. Это... не было одной из них. Это было даже не близко.

Во-первых, он был намного мощнее, чем обычно используемые простые массивы. Большинство из них были связаны со строительством клеток или укреплением земли, чтобы предотвратить побег. Более сильные могли даже обернуть свою цель лентами энергии, полностью обездвижив её (пока цель не смогла бы вырваться на свободу). Однако Ган никогда не слышал об этом.

Мало того, это было... странно для чувств Гана. У него было лишь небольшое обучение работе с массивами, прежде чем он решил, что они не для него, но даже он мог сказать, что что-то не так с массивом, который сделал Юту. Он не был «сломан» сам по себе, как это было бы с неправильно спроектированным массивом.

Скорее, он казался согнутым , из-за отсутствия лучшего слова, как будто первоначальная идея была изменена в новую форму, но все ещё сохранила свою идентичность. Ган понятия не имел, как это было возможно, но одно было точно: это было эффективно.

Массив отрезал большую часть стаи, снизив давление на остальных, так как подкрепления больше не могли пересечь барьер. С теми, что остались, быстро разобрались, когда металлический жук начал кричать.

Звуковая атака поставила Гана и Юту на колени, но траволомы пострадали гораздо сильнее. В Лучезарных морях давно знали, что звук является эффективным средством отпугивания многих обитающих там диких животных. Некоторые крупные города даже использовали подобную технику, чтобы отражать орды зверей или загонять их в загон для отбраковки.

Атака жука была столь же эффективной, как и эти большие города. Окружающее стадо рухнуло, большинство упало с того места, где они стояли, некоторые были сбиты с ног, а другие умерли мгновенно. Многие бросились через массивный барьер с... ужасающим эффектом. Битва между щенком Ах'лута и Младшим остановилась, оба корчились от боли, прежде чем сбежать под землю.

Спустя то, что казалось вечностью, звук прекратился. В следующее мгновение жук ударил Кусанаги теми массивными рогами, которые, казалось, появлялись и исчезали по желанию. Ган не слышал удара, в ушах все ещё звенело, но он чувствовал его костями. Одна только сила ударной волны чуть не сбила его с ног.

Ган выпрямился, и к тому времени, когда он снова смог слышать, жук стоял во весь рост над окровавленным и избитым Повелителем Зверей. Гану почти захотелось поаплодировать этому зрелищу. Они сделали это! Но Кусанаги был не из тех, кто сдается без последнего слова. Говоря, он использовал свой собственный голос, резкий и скрипучий, что напомнило Гану прерывистую птичью песню, а не плавный звук его [голоса духа] .

«Думаешь, ты победил?! Думаешь, меня побьет какой-нибудь ах'лутовский пёс ?! Нет. Я отказываюсь. Я отказываюсь от такого, слышишь меня?! Траворезы НЕ уйдут спокойно в ночь! МАЛЬЧИК СДЕЛАЙ ЭТО!»

Гану потребовалось мгновение, чтобы понять, с кем разговаривал Повелитель Зверей, но к тому времени было уже слишком поздно. Младший катапультировался из земли и нёсся к Юту, его ласты сверкали зловещим металлическим цветом. Сердце Гана упало в груди, когда время, казалось, замедлило ход. Он отчаянно пытался заставить себя успеть вовремя, но с самого начала знал, что не успеет. У него не было ноги, он полностью потерял энергию Духа и был слишком далеко, чтобы что-то сделать.

Если выражение глаз Юту, когда он смотрел, как Младший летит к нему, что-то говорило, то он это тоже знал. Открытый рот Юту медленно превратился в грустную улыбку, когда он повернулся к Гану. Ган в отчаянии потянулся, когда крик сорвался с его губ.

«Нет !»

Кто-нибудь, что-нибудь , пожалуйста! Помогите!

Потом, к своему удивлению, получил ответ.

Что-то , что Ган не мог описать, « пульсировало » в его груди. Это была не энергия Духа; он так много знал о ней. Он был сух как кость, энергии не осталось. Тем не менее, он все ещё чувствовал это. Она струилась от него, неся его мольбу о помощи, и текла в окружающую траву прерий. Словно внезапно обретя собственный разум, трава потянулась и обвилась вокруг летящего чемпиона пингвинов. Затем рывком траектория зверя изменилась со смертельного удара на почти смертельный. Хорошо, но недостаточно хорошо.

Время, казалось, ускорилося, и Ган бросился к Юту, баюкая умирающего на руках, пытаясь остановить кровотечение из раны. Ган высыпал на рану небольшое количество медицинского порошка, но этого было недостаточно.

Когда он посмотрел на своего умирающего друга, что-то темное и яростное наполнило разум Гана. Медленно его взгляд обратился к борющемуся Младшему, все ещё закутанного в траву. Лицо Гана стало каменным, когда он снова потянулся к этой странной силе в своей груди. Сначала оно отказалось, но Ган надавил и заставил его. И снова оно выплеснулось из него, наполненное гневом, страхом и разочарованием.

Трава по-прежнему впитывала его и снова шевелилась. Обернутый в траву, Младший начал медленно скручиваться и сжиматься, и борьба пингвина усилилась. Однако это было бесполезно; вскоре это был шевелящийся травяной кокон. Трава продолжала сжиматься и давить, пока, наконец, что-то не поддалось. Затем одним быстрым движением травяной кокон яростно скрутился несколько раз, продолжая сжиматься вместе со звуком ломающихся костей.

Через несколько секунд тёмно-красная кровь начала просачиваться сквозь крошечные щели, окрашивая травы в кроваво-красный цвет.

Нежное прикосновение языка щенка Ах'лута к его щеке оторвало взгляд Гана от кровоточащей травы.

Когда он повернулся, чтобы посмотреть, то увидел, что Ах'лут и её гигантский защитник смотрят на него сверху вниз.